

М.А. Куроедова

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО НАЧАЛА ПУБЛИЦИСТА

The paper is devoted to expressive (conversational) syntax which can be used to demonstrate author's views in the sketches by V. Peskov.

Журналистское творчество – особая разновидность литературного творчества. В довольно незначительный отрезок времени автор должен облечь будничные, не всегда выбивающиеся из привычности факты и явления в выразительную и запоминающуюся, но при этом краткую литературную форму. Экспрессивный синтаксис во всей своей полноте и совокупности явлений способствует актуальному выделению компонента высказывания, эмоционально-экспрессивному насыщению текста, тем самым участвует в открытом проявлении авторского начала в рамках очеркового жанра [1]. Это означает, что в зону нашего внимания мы включаем немалое количество разнообразных синтаксических конструкций.

Исследователи понимают категорию экспрессивного синтаксиса по-разному. Без соотнесения с семантическим содержанием синтаксическую экспрессивность определяют как «свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [2, с. 196]. При конкретизации этого понятия исследователи расценивают данную категорию как «выражение в предложении эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего» [3] или как «свойство синтаксических структур иметь эмоциональную направленность, а также служить средством логического усиления изобразительности, выразительности, образности» [4, с. 239]. В узком понимании экспрессивность рассматривают как «разновидность прагматической информации, связанной с понятием интенсивности (усилительности)» [5].

Однако даже при таком предельно узком понимании синтаксической экспрессивности автор предыдущей цитаты А.П. Сковородников не исключает соотнесенность ее с другими составляющими прагматического значения: эмоциональностью, оценочностью, волеизъявлением, стилевой прикрепленностью, эстетической значимостью (образностью, характерологичностью, изобразительностью). Для нас важно выделить одно общее значение всех этих характеристик – сводимость к одному семантическому инварианту, который еще В.В. Виноградов определял как «заинтересованность во впечатлении» [6]. Таким образом, суть прагматического аспекта экспрессивности в «заинтересованности говорящего (пишущего) в впечатляемости высказывания» [5, с. 233], что позволяет нам рассматривать данную категорию как одно из проявлений речевого поведения автора.

Независимо от того, как понимать данную категорию (в узком или расширенном значении), набор синтаксических средств экспрессивной речи представляет собой сложное, многомерное и неоднородное образование. Набор этот до конца не определен и, по мнению А.П. Сковородникова, не идет дальше перечня «так называемых фигур, классифицируемых по разнородным и случайным признакам» [5, с. 7]. При попытке систематизации экспрессивных синтаксических явлений исследователи сужают круг исследуемых объектов: одни ограничиваются рамками средств поэтического синтаксиса [7], другие – средствами разговорного синтаксиса [8]. Наиболее часто эти два аспекта соединяются в одном исследовании [1, 5, 8]. Помимо того, дробление системы изучаемых явлений связано с тем, что в одних случаях их роль как выразительных средств «определяется только синтаксической формой, в других характер стилистического эффекта в значительной мере зависит от лексического наполнения...» [1, с. 51]. Схему анализа синтаксических особенностей речевой структуры произведений публициста, а точнее, очеркиста, на наш взгляд, оптимально строить на обобщении поэтического и разговорного синтаксиса. Важно учитывать, что в очерке выразительные синтаксические конструкции, пришедшие из разговорной речи, связаны с нею лишь по происхождению. В письменной газетной речи они становятся специальным стилистическим приемом, их употребление «мотивированно, продуманно, а не спонтанно, как в разговорном общении» [1, с. 75]. В публицистике разговорный синтаксис становится стилистическим приемом, утрачивая при этом разговорную окраску и приобретая оттенок риторичности: «Очерк – это непосредственное общение автора с читателем, как бы мгновенная, кажущаяся необработанной, но на самом деле тонко стилизованная непосредственная запись мыслей в их течении» [9, с. 156].

Материалом исследования для данной статьи послужили очерки В. Пескова, насквозь пронизанные элементами разговорного синтаксиса. Считается, что к разговорным синтаксическим конструкциям следует относить предложения различной степени неполноты: нераспространенные, малораспространенные, односоставные, неполные [8]. Анализ синтаксического почерка В.М. Пескова свидетельствует, что выразительный потенциал различных синтаксических конструкций используется им максимально полно.

Поэтому поиск средств выразительности в публицистике – процесс сугубо индивидуальный, но при этом опирающийся на наследие литературных традиций. Среди элементов разговорного синтаксиса текстов В. Пескова мы особо выделим именно те, в которых проявляется эмоционально-эстетические интенции автора. Наиболее частотными из этих элементов в его очерках являются неполные синтаксические конструкции, представленные такими языковыми явлениями как усеченные конструкции,

сегментированные конструкции, парцелляция и эллипсис. Этот перечень составлен по степени нарастания полноты конструкции.

Усеченные конструкции, или, как их еще называют, незавершенные, недоговоренные, прерванные предложения, известные в стилистике под именем «фигуры умолчания», в очерках В. Пескова являются наиболее разговорной и интонационно выделенной синтаксической структурой, ярче других стилизующей разговорную речь: «Присутствие человека удержит на расстоянии и лисиц. *Но вот змея...* Кирпичевы не знали, что это большая опасность на первых днях жизни пуховичков» (Глухарина школа). «Павианы, маргашки, тигры, – *пожалуйста*» (Родильный дом для мануйлов). «И вот у одной птицы появилось потомство! Потом у этого потомства – приплод. *И пошло-пошло...*». Как правило, это односоставные предложения, они не имеют содержательного продолжения в дальнейшем тексте. Усеченные конструкции характеризуются тем, что в каждом конкретном случае оформляются интонацией, присущей только этому случаю, в зависимости от места и причины обрыва предложения. Привычные для диалогической устной речи, в письменном монологе эти конструкции выполняют функцию имитации разговорной речи. Данный стилистический прием именно из-за своей разговорности более других свидетельствует о продуманности, нарочитости и мотивированности использования его в письменном тексте.

Схожие внешние параметры с усеченными имеют **сегментированные конструкции**, однако в отличие от усеченных они представляют собой структуры, состоящие из двух частей: отчлененной от основного высказывания и таким образом выделенной, называющей тему предложения (это и есть сегмент), и основной, содержащей местоименный коррелят темы: «Ну и о *козах...* Я привез сюда трючку *их* лет пятнадцать назад». (Таежный тупик). «*Или коза*. Чуть загляделся – *она* разбежится и рогами тебя под зад». «Еще проблема – *косули*. Никто не знает, сколько *их* в черте города живет» (Барсук в подворотне). Из-за двухчастного построения конструкции приобретают характер расчлененности, что интонационно разделяет оба высказывания. Н.С. Валгина замечает: «Синтаксически несамостоятельные отрезки текста, но предельно самостоятельные интонационно, оторванные от породившего их предложения, приобретают большую выразительность, становятся эмоционально насыщенными и яркими» [10, с. 193]. Отличие сегментированной конструкции от усеченной – в однородности интонации, оформляющей их в разных предложениях. Оттенок разговорности, непринужденности тоже позволяет журналисту использовать ее в качестве стилистического приема, имитирующего спонтанную речь.

Однако чаще всего журналист использует эту конструкцию для логического и смыслового выделения части высказывания, «в актуализирующей, доказывающей, убеждающей функции» [1, с. 59]. Такие конструкции участвуют в очерках в выражении авторского «я», приобретая значение оценочного средства: «*Болезни...* Детская смертность от *них* большая» (Глухарина школа). «*И, наконец, красота...* С малых лет *ее* олицетворяют цветок и бабочка» (Мир Гребенникова). «Сообразительность птиц... У каждого вида инстинктов и сообразительности хватает для выживания» (Летающий мир).

Подобной двучастностью характеризуется и **парцелляция** – прием экспрессивного синтаксиса, заключающийся в разделении предложения на интонационно обособленные отрезки, отделенные знаком точки. Наиболее часто использует В.Песков этот прием для передачи более интенсивного авторского отношения к описываемому: «Главное, мысль о Земле как о единственном доме для человека не устарела. *Больше того, окрепла по мере роста технических наших возможностей*» (Радость на птичьих крыльях); «И тут уж ничего не поделаешь – таково жизненное предназначенье нашей героини. *Правда, не у нее одной*» (Потомки вепря). «Достигают цели герои. Во всяком случае, существа незаурядные» (Кот-вездеход). «Всех извели. *Где ружьем, где россыпью « в неудобьях» садовых домишек*» (Глухарина школа). В этом качестве парцелляция является действенным средством выражения открытого авторского «я».

Для очерков В. Пескова наиболее характерно использование парцелляции в изобразительно-выразительных целях. Причем на основе этого приема подчас формируются значительные по протяженности отрезки текста: «Чем еще запомнился день прощания с летом? *Шуришьем ежа под старой березой, уже роняющей первые желтые листья. Ягодкой земляники, каким-то чудом уцелевшей до августа в зарослях у оврага. Оркестром кузнечиков в сухих травах. Стайкой бодрых дроздов...*» (Август благословенный). «Она запасает на зиму траву. *Подгрызает. И стебелек к стебельку кладет для начала сушить*» (Запас карман не трет). «Но некоторые одичавшие животные попадались на глаза несколько лет. *И с приплодом!*» (Потомки вепря). «А он – на кухню, где обычно стояла плешка с едой, когда закусил, забрался на телевизор. *Уснул. И спал двое суток*» (Кот-вездеход).

Но, пожалуй, самым распространенным приемом экспрессивного разговорного синтаксиса в текстах публициста является **эллипсис**. Особый ритмический рисунок таких высказываний, их определенная интонационная оформленность придают текстам вид литературного построения, продуманного автором в творческих целях: «И птица терпит бесцеремонность – дружба!» «И вдруг – случай!» (Броня крепка). «Разумеется, найденный гриб поросенку сестере не дают. Раскопают и в сумку! А поросенку как поощрение – кусочек сыру» (Потомки вепря). «В природе они бы погибли. В деревне – нет». «Птицы в лесу сбивались на ночь в дупла – сберечь тепло» (Грушевый лес). «Еды летом – лови, не ленись». «И прямо – на проволоку!» (Август благословенный). «На улицу – ни шагу» (Кот-вездеход). Приведенные примеры представляют собой эллипсис глаголов движения, что усиливает, подчеркивает стремительность, быстроту, порывистость действий или прерывистость действия, оформленную интонационно. Основная характерологическая функция эллипсиса в очерках В.Пескова заключается в интимизации повествования,

которая выступает одновременно и как стилизация: создание эффекта непринужденной устно-разговорной повествовательной речи, насыщенной субъективно-модальными тональностями [5, с. 11].

Многочисленные примеры в анализируемых очерках иллюстрируют особый конструктивный принцип синтактико-семантического построения текста, называемый в теоретической литературе принципом семантической сигнализации. К.Кожевникова определяет его как конструктивный принцип, основанный на «неполном вербальном выражении объема элементов содержания» [12], В.В. Виноградов называл этот прием синтаксической сжатостью [6]. Главное качество подобных конструкций – их особенная интонация, что связывает их с поэтическим синтаксисом.

Диапазон возможных эффектов, вызываемых такого рода организацией текста, очень широк. Подобные тексты вызывают у читателей ассоциации, благодаря чему они могут выражать динамичность, драматичность, конфликтность. Они также имеют вполне определенную эстетическую функцию, «фокусируя внимание читателей на деталях, элементах, отдельных этапах» [13, с.161-162].

Таким образом, экспрессивный синтаксис в очерках публицистов ориентирован на эмоционально-эстетическое воспроизведение действительности. О явлениях разговорности в синтаксическом построении речи можно говорить как об особом стилистическом средстве, используемом автором в целях усиления выразительности своих произведений и выражения личностного начала, что обеспечивает также стилевое единство отдельных речевых форм и текстов.

1. Ипполитова Н.Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике. – Саранск, 1988; Рогова К.И. Синтаксические особенности публицистической речи. – Л., 1975.

2. Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса// Ученые записки: МГПИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. – М., 1971.

3. Панасюк А.Т. К вопросу об экспрессивном значении синтаксических конструкций // Современный русский язык и методика его преподавания. – Душанбе, 1972.

4. Трофимова Э.А. О некоторых моделях выражения экспрессивности в английской разговорной речи// Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. – Горький, 1972.

5. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.

6. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1980.

7. Ковтунова И.И. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.

8. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.

9. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганник Г.Я. Стилистика газетных жанров. – М., 1978.

10. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 1978.

11. Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. – Пятигорск, 2000.

12. Кожевникова К.Н. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика. – М., 1976.

13. Дроняева Т.С. Стилистические функции номинативных конструкций повествовательной речи (на материалах публицистики). Вопросы стилистики. – М., 1983.